

Т.В. Панич*

T.V. Panich*

**Афанасий Холмогорский в сочинениях
Игнатия Римского-Корсакова
(формирование образа
интеллектуального лидера)****

**Afanasiy Kholmogorskiy
in the Works of Ignatius Rimskiy-
Korsakov (Creating an Image of an
Intellectual Leader)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-2-2

DOI: 10.31518/2618-9100-2020-2-2

УДК 821.161'01–311.8“14”

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Панич Т.В. Афанасий Холмогорский в сочинениях Игнатия Римского-Корсакова (формирование образа интеллектуального лидера) // Исторический курьер. 2020. № 2 (10). С. 21–32. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-02.pdf>

Panich T.V. Afanasiy Kholmogorskiy in the Works of Ignatius Rimskiy-Korsakov (Creating an Image of an Intellectual Leader) // Historical Courier, 2020, No. 2 (10), pp. 21–32. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-02.pdf>

Abstract. The interpersonal relations between the two prominent representatives of the Church and Russian written culture of the second half of the 17th century – Afanasiy Kholmogorskiy and Ignatius Rimskiy-Korsakov, who belonged to the community of Church writers from the Patriarch’s associates, were recorded in different sources, including their own writings. Their relationships are of great scientific interest due to the fact that the topic of studying personal relations of historical figures concerns such prevailing issues as “historical biography” and “personal history”. This article examines the features of the personality of Afanasiy Kholmogorsky’s reflection in the works of Ignatius Rimskiy-Korsakov; analyzes the nature of the formation of his image as an intellectual leader of the community. As the research material, the paper uses two works by Ignatius Rimskiy-Korsakov that contain information about the biography of Archbishop Afanasiy and his personal qualities: Epistle about the Death of Patriarch Joachim, addressed to Afanasiy, and Siberian Epistles. In his text, Ignatius Rimskiy-Korsakov points out a number of historical facts and situations related to Afanasiy Kholmogorsky: refutation of Nikita Dobrynin during a debate on faith in July 1682, in the Palace of Facets of the Moscow Kremlin; participation in a controversy about the time of the Eucharist transubstantiation; writing the book *The Shield of Faith*, etc. The analysis of these texts revealed a number of author’s assessments of the personal qualities of the Kholmogory Archbishop, which characterize him as an ideological leader of the writers from the Patriarch’s circle. Afanasiy Kholmogorsky appears in the description of Ignatius Rimsky-Korsakov as a prominent hierarch of the Church, the ideological heir of Patriarch Joachim, an authoritative ideologist of the “Grecophiles” who opposed the “Latinophiles”, a tireless fighter against the opponents of the Church reform, and an intelligent writer and publicist. Despite the fact that Afanasiy lived far from Moscow events, he had a great ideological influence on the community. His associates were seeking his advice and support, in particular, Ignatius Rimskiy-Korsakov, who captured the image of a like-minded friend in his own writings.

Keywords: Ignatius Rimskiy-Korsakov; Afanasiy Kholmogorsky; “Epistle about the Death of Patriarch Joachim”; “Siberian Epistles”; image of an intellectual leader.

The article has been received by the editor on 03.02.2020.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Панич Тамара Васильевна**, доктор филологических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: tvpanich@ngs.ru

Panich Tamara V., Doctor of Philology, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: tvpanich@ngs.ru

** Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 18-09-00094а.

Аннотация. Межличностные отношения двух видных представителей Церкви и русской письменной культуры второй половины XVII в., входивших в сообщество церковных писателей из окружения Патриарха, – Афанасия Холмогорского и Игнатия Римского-Корсакова, которые зафиксировали разные источники, в т.ч. их собственные сочинения, представляют большой научный интерес. Он определяется тем, что тема изучения личностных отношений исторических деятелей касается таких актуальных вопросов, как «историческая биография», «персональная история». В статье изучаются особенности отображения личности Афанасия Холмогорского в произведениях Игнатия Римского-Корсакова, анализируется характер формирования его образа как интеллектуального лидера сообщества. В качестве материала исследования в работе использованы два сочинения Игнатия Римского-Корсакова, в которых присутствуют сведения, касающиеся биографии архиепископа Афанасия, его личностных качеств: «Послание о кончине патриарха Иоакима», адресованное Афанасию, и «Сибирские послания». Игнатий Римский-Корсаков отмечает в своих текстах ряд исторических фактов и ситуаций, связанных с Афанасием Холмогорским: обличение Никиты Добрынина во время прений о вере в июле 1682 г. в Грановитой палате Московского кремля; участие в полемике о времени пресуществления святых даров; написание книги «Щит веры» и др. Анализ данных текстов позволил выявить целый ряд авторских оценок личных качеств холмогорского архиепископа, характеризующих его как идейного лидера сообщества писателей патриаршего круга. Афанасий Холмогорский предстает в изображении Игнатия Римского-Корсакова как видный иерарх Церкви, идейный наследник патриарха Иоакима, влиятельный идеолог «грекофилов», противостоящий «латинофилам», неутомимый борец с противниками церковной реформы, эрудированный писатель-публицист. Несмотря на то, что Афанасий жил вдалеке от московских событий, он оказывал большое идейное влияние на окружение. К нему обращались за советом и поддержкой его сторонники, в частности, Игнатий Римский-Корсаков, который запечатлел образ своего единомышленника и друга в собственных сочинениях.

Ключевые слова: Игнатий Римский-Корсаков; Афанасий Холмогорский; «Послание о кончине патриарха Иоакима»; «Сибирские послания»; образ интеллектуального лидера.

Интеллектуальные межличностные отношения видных представителей русской письменной культуры второй половины XVII в., входивших в сообщество церковных писателей из окружения Патриарха, отличались постоянством, выливаясь в самые разные способы и формы общения: совместное литературное творчество; личное общение во время проведения церковных мероприятий; беседы, касающиеся самых разных актуальных вопросов эпохи; обмен книгами и новыми переводами с греческого и других языков, а также текстами собственного сочинения, деловая и дружеская переписка¹. В процессе таких контактов вырабатывались социокультурные ориентиры, ценностные установки, идеи, определявшие специфические черты сообщества, организационно его структурировавшие и формировавшие его идентичность². Как отмечает Л.П. Репина, «Интеллектуальная коммуникация... не только передает информацию, но и поддерживает некое интеллектуальное сообщество, формируя общепринятый для данного сообщества язык, тип поведения, систему ценностей, организуя сетевую структуру»³.

При изучении межличностных контактов в рассматриваемом сообществе церковных писателей важное значение имеет исследование взаимоотношений между наиболее видными его представителями на основе созданных ими сочинений. Особенно если эти тексты дают представление не только об их интеллектуальных и творческих связях, но и содержат

¹ Панич Т.В. Интеллектуальные лидеры сообщества церковных писателей второй половины XVII в.: межличностные коммуникации // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 3. С. 66–71.

² Там же. С. 71.

³ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 375–376.

биографические данные или авторские характеристики, позволяющие хотя бы в общих чертах представить образ того или иного лица из контактирующих сторон. Вопросы, касающиеся таких понятий, как «историческая биография», «персональная история», «межличностные отношения в интеллектуальной среде», в последнее время приобрели особую актуальность. Ответы на них позволяют глубже понять место и роль каждого из незаурядных представителей своей эпохи в ее культурно-историческом контексте, определить характер их индивидуального участия в историческом процессе. Подчеркивая значимость изучения «персональной истории», Л.П. Репина пишет: «Персонализированный, или биографический, подход является традиционно приоритетным в истории мысли и науки, не говоря уже об истории художественного творчества, поскольку не подлежит сомнению выдающаяся роль личностного начала в этих областях человеческой активности»⁴.

Целью настоящей статьи является изучение межличностных коммуникаций Афанасия Холмогорского и Игнатия (Римского-Корсакова), в частности рассмотрение особенностей отображения личности Афанасия Холмогорского в сочинениях Игнатия (Римского-Корсакова). И, хотя я уже отчасти касалась этого вопроса⁵, представляется необходимым проанализировать его более подробно, т.к. речь идет о выдающемся представителе духовной культуры второй половины XVII в., проявившем себя не только в рамках самого писательского сообщества круга Патриарха, но и оставившем заметный след в истории Церкви и литературной культуре «переходной» эпохи. И здесь каждая приведенная Игнатием подробность, казалось бы, самая незначительная, приобретает особый смысл и значение для понимания личности Афанасия Холмогорского, продемонстрированных им качествах интеллектуального лидера, оказывавшего идейное влияние на свое окружение.

Дружба холмогорского архиепископа и Игнатия Римского-Корсакова началась еще во время пребывания Афанасия в Москве до его отбытия во вверенную ему епархию и продолжалась после хиротонии Игнатия в митрополита Сибирского и Тобольского и его отъезда в Тобольск (12 февраля 1693 г.)⁶. Одним из достоверных свидетельств их доверительных отношений является известное Послание Игнатия (в ту пору еще архимандрита московского Новоспасского монастыря), адресованное холмогорскому владыке и повествующее о болезни и кончине патриарха Иоакима († 17 марта 1690 г.), которое впоследствии стало важной (в смысловом отношении) составной частью Жития патриарха⁷.

Данное Послание явилось откликом Игнатия на неоднократные просьбы Афанасия (в тексте говорится о двух, присланных в Москву его грамотах) проинформировать его о том, «како бысть преставление святейшаго Иоакима патриарха», и ответить на ряд других, интересовавших холмогорского архиепископа вопросов. Архимандрит Игнатий так писал об этом: «Многих благословений архиерейства твоего аз неключимый, исполнился, яко в прибытии преосвященства твоего зде, в царствующем граде Москве, тако и по отшествии твоём архиерейском к благодарованному ти престолу, глаголю же богоспасаемым градом Колмогорам и Ваге, и протчим Поморию, внегда благоволил еси чрез две грамоты посылати ко мне благословение свое. Но аз неключимый, паче же рещи по святому Евангелию, непотребный раб Господа Иисуса Христа, истиннаго Бога моего, и послушник о Христе

⁴ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. ... С. 349–350.

⁵ Панич Т.В. Интеллектуальные лидеры сообщества церковных писателей...

⁶ Никулин И.А. Игнатий (Римский-Корсаков) // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 21. С. 126.

⁷ Панич Т.В. Житие патриарха Иоакима по списку РГБ, собрание И.Д. Беляева, № 29/1535 // Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации. Новосибирск, 2013. С. 140–190. Текст Послания здесь занимает с. 164–178. В описи книг библиотеки Афанасия Холмогорского, подготовленной после его смерти, значится книга или «тетрадь» (определение отсутствует) с таким названием: «О успении Иоакима патриарха, письменная, в полдестъ» (опись опубликована в кн.: Верюжский В.М. Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 589). Можно предположить, что указанное в описи сочинение представляет собой полученное от Игнатия Римского-Корсакова Послание, о котором идет речь в нашей статье. По крайней мере, это мог быть первоначальный вариант Послания, который впоследствии был, по-видимому, переработан для Жития патриарха.

архиерейства твоего, по настоящее сие время не получиш времени такового, дабы ко преосвященству Вашему воздравствовать и писание восписати.

И первое убо, о скончании временнаго жития, во блаженной памяти преставльшагося, всесвятешаго кир Иоакима, Божеию милостию архиепископа царствующаго великаго града Москвы и всея Великия и Малыя и Белья Росии и всех северных стран православнаго патриарха.

Второе же, о сем, каков его, святешаго, при скончании его был завет⁸.

Третье, каково его намерение было о святой литургии и о совершении таин.

Четвертое, о трудех преосвященства твоего: о книзе, ей же титул блаженнейший и всесвятеший Иоаким патриарх положи, нарече Щит Веры⁹.

Пятое, о избрании новаго патриарха¹⁰.

Шестое, о исповеданиях рукописанных, поданных от новых схизматиков¹¹ ко всесвятешему Иоакиму патриарху, и о покаянии их пред святою Церковию восточнаго православия, потом же и о протчих, их же изъясил еси, Божий архиерею, нам, убогим, в грамотах своих» (с. 164–165).

Содержание заданных Афанасием вопросов ясно указывает на общность интересов Новоспасского архимандрита и холмогорского владыки. Помимо желанья узнать об обстоятельствах смерти патриарха, в просьбах архиепископа звучат темы, связанные с событиями, в которых оба церковных деятеля принимали участие. Например, в перечисленных Игнатием пунктах 3, 4 и 6 затрагивается тема евхаристических споров. О сотрудничестве Афанасия Холмогорского и Игнатия в этот период свидетельствует известное высказывание Гавриила Домецкого. Критикуя подготовленный Евфимием Чудовским сборник «Остен», в котором была представлена позиция «грекофилов» по вопросу о времени пресуществления, он писал: «Знаю аз давно сию книгу “Остен”, привозил ко мне казать в Симонов монастырь иеродиакон Стефан Сахаров. Тогда была скорописью писана и поменше нынешняя, об одном пресуществлении. Тогда тетради те розвозили тайно из Чудова монастыря, а ходатаи и первыя о том были Афанасий, архиепископ Колмогорский, да Игнатий Карсаков»¹².

Несмотря на то что на январском «малом» соборе в Крестовой палате у патриарха в 1690 г. была осуждена позиция «латинствующих», отражающая учение католической Церкви по вопросу о времени пресуществления святых даров, однако проблема все еще сохраняла свою актуальность, о чем свидетельствует напоминание Игнатия о положении дел, связанных с подготовкой издания «Щита веры», в котором были заинтересованы все церковные писатели, причастные к составлению книги.

⁸ Афанасий Холмогорский спрашивал о Духовном завещании патриарха Иоакима. В Послании архимандрит Игнатий написал о нем лишь несколько строк, подчеркнув, что текст завещания «в сем краткописании за многость писаний не восписа, но во особном писании изобразитца, аще востребует твое архиерейство». Цитирую по: *Панич Т.В.* Житие патриарха Иоакима по списку РГБ, собрание И.Д. Беляева, № 29/1535 // *Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации.* Новосибирск, 2013. С. 166. Далее при цитировании текста Послания указание на страницы данного издания приводятся в скобках после цитаты. Духовное завещание патриарха Иоакима, как и Послание, вошло в состав его Жития (с. 178–188).

⁹ Книга «Щит веры», в создании которой Афанасий Холмогорский принимал участие в качестве основного составителя и редактора, посвящена истории полемики «грекофилов» и «латинствующих» по вопросу о времени пресуществления святых даров на литургии, которая в течение нескольких лет (80-е – 90-е гг. XVII в.) была одним из главных событий церковной и общественной жизни. «Щит веры» представляет собой один из важных памятников публицистики конца XVII в. (Об истории текста книги см.: *Панич Т.В.* Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004. С. 151–179).

¹⁰ По-видимому, Послание было написано архимандритом Игнатием в конце августа-сентябре 1690 г. после восшествия на патриарший престол Адриана (24 августа 1690 г.), в тексте имеется рассказ Игнатия о его избрании.

¹¹ Афанасий Холмогорский спрашивает здесь о «покаянных исповеданиях» Сильвестра Медведева и Саввы Долгого (оба датированы декабрем 1690 г.), присылки текста которых архиепископ, очевидно, ожидал от архимандрита Игнатия и которые позднее были включены им (как и соборное определение по их делу) в Основную редакцию «Щита веры» (см.: РГБ, собрание Егорова, № 1570, л. 417 об.–436; л. 436 об.–444; л. 485–498).

¹² Эти слова Гавриила Домецкого приводит иеродиакон Чудова монастыря Дамаскин в сочинении «105 ответов Домецкому», написанном им в 1704 г. (см.: БАН, П.І.В.7, л. 4).

В контексте проблематики нашей статьи Послание Игнатия (Римского-Корсакова), адресованное Афанасию Холмогорскому, представляет несомненный интерес, т.к. здесь присутствует авторская оценка личных качеств холмогорского архиепископа, во многом характеризующих его как идейного лидера сообщества писателей патриаршего круга. Афанасий предстает в изображении автора как влиятельный идеолог грекофильства, ведущий борьбу с «латинофилами», писатель-публицист, видный иерарх Церкви, благочестивый христианин, беззаветно преданный делу, которому посвятил свою жизнь, – служению православной Церкви. В самом заглавии Игнатий наделяет архиепископа эпитетом «боголюбивый», обращается к нему: «Божий архиерею». Будучи в положении его подчиненного (в соответствии с церковной иерархией), Игнатий считает холмогорского владыку своим духовным наставником. При этом Игнатий не щадит себя, используя по отношению к собственной персоне этикетные для древнерусской письменной культуры (в данном случае в сочинении эпистолярного жанра) самоуничижительные формулы: «убогий», «неключимый» (недостойный), «непотребный раб».

Афанасий Холмогорский упоминается не только во вводной части текста, где он представлен как писатель, составитель книги «Щит веры» (см. процитированный выше фрагмент), но и далее. Игнатий часто использует прямые обращения к своему адресату. Например, вводя в повествование видения разных лиц из окружения патриарха Иоакима, тематически связанные с его кончиной, Игнатий пишет: «Сия твоему архиерейству на разсуждение предлагаю и прошу с преосвященством твоим, да не зазриши грубости моей (*вновь самоуничижительная формула!*), яко пишу сия ничесо же ради иного, но да незабвенно будет такового пречестнаго и добродетелнаго подвижника добродееяния, видим бо, яко и по смерти его Господь Бог нам, чадом его, таковая святыми молитвами его подает утешение» (с. 174). Завершая рассказ о предсмертном видении самого патриарха Иоакима, Игнатий предлагает Афанасию, называя его по имени, свою интерпретацию события, раскрывая символику видения: «И сего ради, преосвященный Афанасий, видим збывшееся святое Евангелие, глаголаше: “Блажен, иже снестъ обед во царствии Божии”. И паки во Откровении святаго Иоанна Богослова: “Блажении, звании на вечерю брака Агнча”. Но о сем точию ему, святейшему Иоакиму патриарху, о восхождении известися» (с. 167). Пересказывая далее одно из видений царского стольника «княжеского рода» Георгия (всего в Послание включены три видения этого сановника), архимандрит Игнатий снова обращается к Афанасию: «Да не стужает же преосвященство твое и ину повесть таковых же видений слышати о нем...» (с. 175). Примечательно, что в сюжете пересказанного Игнатием «сонного» видения (действие, со слов визионера, происходило в Успенском соборе) фигурировал и холмогорский владыка Афанасий, которого якобы узнал царский стольник среди присутствовавших в храме архиереев, и который якобы помогал патриарху (в то время уже покойному, явившемуся тайнозрителю из инобытия) служить литургию Василия Великого. Игнатий писал: «Зрит же с ним сослужащих и прочих архиереев, позна же и твое преосвященство...» (с. 175). Если учесть, что во всех видениях, включенных в структуру Послания, в той или иной форме обосновывается мысль о праведности и святости патриарха, то факт присутствия в видении царского стольника холмогорского владыки подле Иоакима (именно Афанасия выделяет визионер среди всех представших в его «сонном видении» архиереев) в контексте Послания может быть истолкован как знак особого расположения Иоакима к Афанасию. Акцентируя внимание на этом эпизоде, писатель тем самым подчеркивает значимость личности Афанасия, видит в нем незаурядного церковного деятеля, идейного наследника ушедшего из жизни патриарха.

Напомню, что просьба Афанасия, обращенная к Игнатию, с тем, чтобы он написал о кончине Иоакима и о его духовном завещании, в восприятии Новоспасского архимандрита стала возложенным на него со стороны холмогорского владыки служением («...да служение, порученное нам архиерейством твоим, исполнено будет...», с. 165), осуществление которого увековечило бы память о патриархе Иоакиме, почитателями которого были оба: и Афанасий, и Игнатий.

В одном из фрагментов Послания в сжатом виде приводится перечень церковных заслуг и личных качеств Афанасия Холмогорского, характеризующих его как верного ученика и соратника патриарха Иоакима. Архимандрит Игнатий говорит о том, что Афанасий в свое время смело поддержал патриарха в борьбе с противниками церковной реформы (защитниками «старой веры»), а во времена евхаристических споров с «латинствующими» (в частности, с упоминаемым в Послании Сильвестром Медведевым) ревностно отстаивал позицию православной Церкви по вопросу о времени преложения святых даров на литургии и подготовил книгу «Щит веры»: «Таковая и толика, яко же от них слышах, сице и к преосвященному твоему написах, ведый твою жалость о нем, святейшем Иоакиме патриархе, и помних, яко любезнейша в подвизе Божии ревности при нем, святейшем патриархе, твоего тщательства и даже до смерти некогда с ним на оных капитонов подвизался еси, паче же и на новоявльшую латинскую дымящуюся главню Аркудиеву или Медведеву, на нь же и книгу, «Щит православия» названную, написал еси советом и благословением святейшаго патриарха Иоакима, юже ныне и вси архиереи похвалиша и молиша нынешняго святейшаго кир Адриана Московскаго и всеа России, дабы повелел типографским тиснением издати и во весь люд Божий в ползу православия разпослати. Таковая убо той книзе от верных похвала и Богу слава воздася» (с. 176).

В приведенном отрывке, как и в начале текста, упоминая «Щит веры», Игнатий вновь подчеркивает причастность Афанасия к созданию книги; звучит ее высокая оценка; говорится о необходимости ее издания для всего люда, «в пользу православия». Таким образом, Игнатий затрагивает одну из важных и актуальных проблем, инновационных для литературной культуры XVII в., – близкую ему самому – проблему автора и его текста¹³. Будучи сам писателем и публицистом, автором многочисленных сочинений, созданных в самых разных жанрах¹⁴, Игнатий осознавал силу слова (его роль как средства просвещения, формулирования и выражения аргументов в защиту православия, системы его ценностей) и, как видим, похвально отзывался о «Щите веры» Афанасия Холмогорского. Игнатий признавал писательское мастерство и авторитет холмогорского владыки в вопросах литературы, о чем свидетельствует фрагмент Послания, указывающий на то, что текст был отправлен Афанасию не только в качестве информативного материала, но, как пишет Игнатий, – «на разсуждение» (т.е. Игнатий рассчитывал на отзыв архиепископа, писателя и знатока книжности¹⁵, о его сочинении).

В заключительной части Послания архимандрит Игнатий вновь обращается к своему адресату. Рассказывая Афанасию об обстоятельствах избрания нового патриарха, архимандрит Игнатий выражает свое удовлетворение, что предстоятелем Русской Церкви стал «возлюбленный ученик святейшаго Иоакима патриарха» бывший казанский митрополит Адриан, и отмечает участие и заслугу в этом важном для Церкви и государства событии самого Афанасия Холмогорского, который письменно высказался в пользу Адриана: «И егда избрание бысть на патриаршество, твое же преосвященство не иного кого писанием, но точию святейшаго господина Адриана патриархом избирал еси, памятуя благословение в подаянии посоха ему, святейшему Адриану, еще сущу митрополиту Казанскому,

¹³ Вопросы авторского самосознания и авторского самовыражения получили развитие в тексте анализируемого Послания (см.: *Панич Т.В.* Послание Игнатия Римского-Корсакова Афанасию Холмогорскому о смерти патриарха Иоакима (автор как рассказчик и участник описываемых событий) // *Сибирь на перекрестье мировых религий: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф.* Новосибирск, 2011. С. 121–127).

¹⁴ *Богданов А.П.* Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // *Герменевтика древнерусской литературы.* М., 1994. Сб. 6. Ч. 1. С. 165–248; *Воронова Л.Б.* Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // *Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России.* Новосибирск, 1984. С. 193–198; см. также главу о письменных трудах митрополита Игнатия в новейшем исследовании: *Никулин И.А.* Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. С. 161–211.

¹⁵ Афанасий Холмогорский известен как библиофил. Он собирал книги в течение всей своей жизни. О его библиотеке см.: *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 574–604; *Кукушкина М.В.* Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 185–197.

от святейшаго Иоакима патриарха бывшее иногда¹⁶. И тако убо Церковь святая с чады своими православными возвеселися и всегда веселится радостию великою, сладкоуचितным и красногласным вещанием его, противницы же латиномудрствующи посрамишася, яко не избыться злое намерение их по выше писаному словеси. Много же о сем не требую писати, понеже желаю любовию скончати» (с. 177–178).

Этими словами Игнатий заканчивает свое Послание «боголюбивому Афанасию».

Как видно из приведенных фрагментов текста, автор дает высокие оценки Афанасию Холмогорскому, создавая образ видного и влиятельного деятеля Церкви, писателя и полемиста, борца с врагами православия, интеллектуального лидера сообщества церковных писателей, к которому они оба принадлежали.

Не менее важным источником фактических данных об отношении Игнатия (Римского-Корсакова) к Афанасию Холмогорскому, о восприятии и оценке его личности, является еще одно сочинение Игнатия, в котором присутствует холмогорский владыка. Имеется в виду комплекс из трех его архиерейских посланий, направленных против раскола в Сибири, известных как «Сибирские послания». Работа над ними была завершена Игнатием в 1696 г.¹⁷ в период его служения в Сибири, когда он занимал кафедру митрополита Тобольского и Сибирского.

С именем холмогорского архиепископа связаны четыре главы Третьего послания комплекса: 42, 44–46-я. Не случайно один из списков «Сибирских посланий» был подготовлен специально для библиотеки Афанасия Холмогорского¹⁸.

Глава 42 («Сказание о приходе молебном в Соловки великаго государя царя») посвящена описанию путешествия Петра I в Соловецкий монастырь и другие обители Русского Севера, состоявшегося в мае-июне 1694 г.¹⁹ В этом морском походе Афанасию была оказана честь сопровождать царя, о чем тобольский владыка писал так: «Повеле же благочестивый государь царь быти при своей царской державе в путешествии и страны оныя архиерею, господину Афанасию Холмогорскому и Важескому, православныя веры истинному евангелскому проповеднику и на безстудство Никиты попа, именуемаго Пустосвята, доблереvнстнаго облечителя. Сему убо архиерею Афанасию последствующу за великим государем в Соловецкую обитель и в прочия приморския святыя места во Анзерский скит и в Пертоминский монастырь, тако же и святаго чудотворца Николая в Корелскую киновию»²⁰.

Как видим, автор «Сибирских посланий» был хорошо осведомлен о царском путешествии и участии в нем Афанасия Холмогорского, как, впрочем, и о других событиях, связанных с холмогорским архиепископом. Это показывает, что его переписка с Афанасием продолжалась, несмотря на то, что оба церковных иерарха были в большом удалении и друг от друга, и от эпицентра основных событий в жизни государства. Вероятно, при написании рассматриваемой главы митрополит Игнатий использовал сведения, полученные им из очередного послания от Афанасия Холмогорского.

¹⁶ Здесь автор Послания напоминает Афанасию историю, как однажды патриарх Иоаким вручил митрополиту Адриану «излишний» патриарший посох и якобы предсказал ему патриаршество: «Тогда святейший Иоаким патриарх благослови его посохом и патриаршество прорече, еже и збыться по его благословиению и проречению по скончанию его» (с. 177).

¹⁷ Этим годом датировано Третье послание комплекса, хотя первые два появились несколькими годами раньше. Об этом см.: *Никулин И.А.* Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. С. 192–195.

¹⁸ Ныне список хранится в Архангельском собрании БАН, С. 220. Текст «Сибирских посланий» по этому списку опубликован (см.: *Панич Т.В.* Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова) по списку БАН, Архангельское собрание, С. 220 // *Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры.* Новосибирск, 2019. С. 156–247).

¹⁹ В тексте событие ошибочно датировано июлем («И бысть в лето 7202 месяца июлиа в день»), вероятно, митрополит Игнатий рассказывал о событии по памяти или же использовал источник, содержавший неверную дату.

²⁰ Цитирую по: *Панич Т.В.* Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова) по списку БАН, Архангельское собрание, С. 220. ... С. 227–228. Далее при цитировании указание на страницы издания приводятся в круглых скобках после цитаты.

В данной главе «Сибирских посланий», как и в Послании о кончине патриарха Иоакима, тобольский митрополит не преминул высоко отозваться о достоинствах Афанасия, наградив его такими оценочными характеристиками, как: «православная веры истинный евангельский проповедник», «доблеревностный обличитель» противника церковной реформы, Никиты Добрынина (Пустосвята). В данном случае митрополит Игнатий намекал на знаменитый диспут о вере между церковными иерархами и защитниками «старой веры», состоявшийся 5 июля 1682 г. в Грановитой палате Кремля при участии представителей царского семейства. Более подробно и образно эти события представлены митрополитом Игнатием далее в трех главах: 44 («О девяностом году и о возмущении на Церковь Божию арменоподражателя попа Никиты Пустосвята»); 45 («О соборе на еретика Никиту Пустосвята в Грановитой царской полате»); 46 («О ревности на соборе Афанасия, архиепископа Холмогорского, на Пустосвята»).

Первая из перечисленных глав (44) служит прологом к описываемым далее событиям, в ней еще нет упоминания имени Афанасия. Оно появляется в главе 45, хотя Афанасий Холмогорский здесь назван лишь раз в числе собравшихся в Грановитой палате иерархов. Повествование заканчивается эпизодом, в котором говорится о приходе Никиты Пустосвята со своими последователями в Грановитую палату с Челобитной и о начале прений по каждому зачитанному из нее пункту. Привожу этот фрагмент: «Тогда повелен вниде с поборники своими во оную Грановитую полату и той еретик Никита, глаголемый Пустосвят, и подаде своего беснования написанный свиток, еже есть челобитную, яко бы прося праваго суда у пресветлых царей в церковных исправлениях, в ней же писаны быша вся их злая умышления на святую Церковь».

Пресветлии же монарси повелеша оную челобитную читати вслух и архиереом и людем. Тогда божественною ревностию святейший патриарх и архиереи на всякое их сумнительство подаваху разрешение и истинным свидетелством от божественных Писаний, от святого Евангелия, и от апостолских учений, и от божественных отец толкования. И во всем обличаши того проклятаго еретика Никиту Пустосвята, яко явственный еретик есть» (с. 231).

Следующая глава (46) специально посвящена Афанасию Холмогорскому, о чем заявлено в ее названии: «О ревности на соборе Афанасия, архиепископа Холмогорского, на Пустосвята». Сообщается, как он вступил в спор, когда ситуация накалилась до предела, очевидно, что противники обрядовых изменений не принимали никаких аргументов иерархов, выступавших с патриаршей стороны, и самого патриарха Иоакима. Афанасий представлен митрополитом Игнатием в данном эпизоде в качестве героя, в жестком споре с защитниками «старой веры» ревностно отстаивающего позицию патриаршей Церкви. Повествование пронизано драматизмом. Оценивая происходящее в Грановитой палате и поведение участников прений, автор использует эмоционально окрашенные образы, сравнивает поборников «старой веры» с воюющими волками, которые не могут аргументированно отстоять свои взгляды и в бессильной злобе скрежещут зубами. Особое негодование автора вызвала безобразная выходка их вождя – Никиты Добрынина, который после дерзких речей в порыве ярости бросается с кулаками на увещающего его иерарха – холмогорского владыку. При этом Игнатий противопоставляет образ описываемого им антигероя (Никиты Пустосвята) образу истинного, по его мнению, героя – архиепископа Афанасия. Митрополит Игнатий характеризует его как умелого полемиста, проявившего в столкновении мнений незаурядные знания в области богословия и твердость характера, отвагу и решительность, смелое поведение. В отличие от агрессивного оппонента Афанасий сохранил спокойствие и выдержку, отстаивая правомерность церковной реформы и обличая положения поданной защитниками «древлего благочестия» челобитной, несмотря на угрозы и даже физическое нападение со стороны Никиты. Игнатий писал: «Вящше же всех обличаше его по ревности православный кир Афанасий, архиепископ Холмогорский, его же обличения не може

убежати, сиречь словопрения, Пустосвят зелне поскрежета на нь зубы своими и ринуся на архиепископа и удари его в перси»²¹ (с. 231).

Наблюдавшие за словесной схваткой члены царского семейства были крайне возмущены недостойными выходками Никиты Пустосвята и приказали выгнать бесчинствующего «еретика» и его сподвижников из Грановитой палаты: «Сия же узреше благоверная царица и царевны, и святейший патриарх рекоша ко еретиком: “Что убо подвизаешися руками, винен сущи о истинне словами, винен сущи о истинне словами!”. И абие повелеша их еретиков Никиту и сподвижников его из полаты изгнати. Они же проклятии, идуще градом до молебнаго места, еже есть среди града, глаголемое Лобное, велиим гласом, яко волцы воюще и вопиюще: “Победихом, победихом! И не могоша, – рече, – противу нас на соборе никто же ничто же рещи”. Возшедшим же им на молебное, сиречь Лобное место, таяжде кричаху к народу и вредословяще православную нашу веру без всякаго страха» (с. 231–232).

Воспроизводя богословские дискуссии между архиереями и Никитой Добрыниным, а также сцену его нападения на Афанасия Холмогорского, митрополит Игнатий, возможно, пользовался какими-то письменными источниками. В его распоряжении, наверняка, был экземпляр «Увета духовного» (М., 1682), который в свое время рассылался по епархиям в качестве пособия для священнослужителей в их борьбе с «раскольниками» и который содержал описание драматических событий лета 1682 г., правда, в несколько ином виде, чем о них рассказано в «Сибирских посланиях». Кроме того, Игнатий мог строить свое описание на основе собственных воспоминаний: в то время он находился в Москве (с июля 1680 г. Игнатий возглавлял подворье Соловецкого монастыря²²) и мог лично присутствовать в Грановитой палате в числе других представителей патриаршей Церкви, воочию наблюдая сцены «прений о вере».

Итак, мы рассмотрели два сочинения Игнатия Римского-Корсакова, созданные им в разное время и по разным поводам, в которых в разной степени присутствует первый холмогорский архиепископ Афанасий. Если первый текст был написан по следам недавних событий (через несколько месяцев после кончины патриарха Иоакима), то интересующие нас главы «Сибирских посланий», где персонажем является Афанасий Холмогорский, повествуют о том, что происходило 14–15 лет назад. Эти события можно квалифицировать как «события прошлого», которые сохранились или в собственной памяти автора «Сибирских посланий», или в памяти его современников («память о прошлом»), или были зафиксированы в письменных источниках разного времени (в т.ч. «по горячим следам» произошедшего); некоторые из исторических фактов осложнились напластованиями легендарного характера. Рецепция ушедших в историю событий и образ их воспроизведения в контексте «Сибирских посланий», несомненно, приобретали свою специфику, что необходимо учитывать при анализе текста сочинения. Временной промежуток между прошлым и настоящим (временем, когда Игнатий писал свои послания), мог стать причиной утраты отдельных деталей событийного ряда, что в свою очередь приводило к домысливанию каких-то фактов,

²¹ Савва Романов передает этот эпизод по-другому, значительно смягчая образ действий Никиты. У него Никита не наносит удар в грудь Афанасию, вступившему за патриарха, а лишь «отведе его мало рукою». Хотя в действительности это были все-таки удары, т.к. далее Романов, противореча себе, пишет о гневной реакции на увиденное царевны Софии Алексеевны, которая «скоочи с престола и воскрича: “Видите ли, что Никита делает, в наших очах архиерея бьет, а без нас и давно убьет”» (см.: Савва Романов. История о вере и челобитная о стрельцах // Летописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 5. Отд. 2. С. 138.) По одной из легенд, Никита вырвал половину бороды у холмогорского владыки (см.: Верюжский В.М. Афанасий, архиепископ Холмогорский... С. 44, примечание 139). Сам Афанасий (или его соавтор?) в «Увете духовном» изображает сцену нападения на него Никиты следующим образом (напомню, что рассказ в «Увете» ведется от лица патриарха): «И егда чтяшеся их челобитье, нача той проклятый Никита, напився пьян, кричати и досаждати словесы нашей мерности и всему освященному собору, яко бесноватый. Ему же, яко блядословцу и досадителю, воспрети архиепископ Афанасий Колмогорский. Он же, окаянный, пред их царским величеством при всех, сущих тамо, вержеса его, архиепископа, бити и терзати» (см.: Увет духовный. М., 1682, л. 66–66 об.). Таким образом, у разных авторов эпизод столкновения Никиты Добрынина с архиепископом Афанасием предстает в разных вариантах.

²² Никулин И.А. Игнатий (Римский-Корсаков)... С. 125.

определенной мифологизации реальных исторических событий и их участников. Все это, несомненно, наложило свой отпечаток не только на форму и содержание реконструируемых автором событий прошлого, но и на образы действовавших в них персонажей, усилив и публицистический накал, и «художественность» повествования. Впрочем, проблема отображения событий прошлого в рассмотренных сочинениях публицистики второй половины XVII в. требует отдельного изучения.

В заключение можно констатировать, что анализ привлеченных сочинений Игнатия (Римского-Корсакова), которые так или иначе связаны с именем Афанасия Холмогорского, позволил выявить ряд авторских характеристик личности холмогорского владыки, совокупность которых формирует образ, соответствующий по своим качествам образу идейного лидера. Афанасий Холмогорский несомненно был одним из видных интеллектуальных лидеров сообщества писателей патриаршего круга, оказывая большое влияние на окружение²³. Несмотря на то, что холмогорский архиепископ жил вдалеке от московских событий, он пользовался заслуженным авторитетом и уважением со стороны других членов сообщества. К нему, как наставнику, широко эрудированному церковному иерарху, писателю, знатоку книжности, обращались за советом и поддержкой его сторонники из лагеря «грекофилов», в частности, Игнатий Римский-Корсаков, запечатлевший образ своего единомышленника и друга в собственных сочинениях.

Литература

Богданов А.П. Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сб. 6. Ч. 1. С. 165–248.

Верюжский В.М. Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. 683 с.

Воронова Л.Б. Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 193–198.

Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. 221 с.

Никулин И.А. Игнатий (Римский-Корсаков) // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 21. С. 125–127.

Никулин И.А. Преподобный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. 312 с.

Панич Т.В. Житие патриарха Иоакима по списку РГБ, собрание И.Д. Беляева, № 29/1535 // Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации. Новосибирск, 2013. С. 140–190.

Панич Т.В. Интеллектуальные лидеры сообщества церковных писателей второй половины XVII в.: межличностные коммуникации // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 3. С. 66–71.

Панич Т.В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004. 327 с.

Панич Т.В. Послание Игнатия Римского-Корсакова Афанасию Холмогорскому о смерти патриарха Иоакима (автор как рассказчик и участник описываемых событий) // Сибирь на

²³ О масштабе личности Афанасия, его эрудиции, богословских знаниях, административных способностях и влиянии на окружение красноречиво свидетельствует уже тот факт, что, будучи простым крестовым иеромонахом при патриархе Иоакиме, лишь два года назад прибывшим в Москву из Сибири «по монастырским нуждам», он был избран архиепископом новообразованной Холмогорской епархии (посвящение состоялось 19 марта 1682 г.). Афанасий Холмогорский был не только видным деятелем православной Церкви, знатоком богословия и книжной культуры, публицистом, «трудником слова», но и проявлял интерес к государственным делам. Известно, что он поддерживал стремление Петра I получить выходы к морю. Можно вспомнить и его деятельное участие в мероприятиях Петра I по защите русского государства во время Северной войны, и другие заслуги перед Отечеством. О государственной деятельности Афанасия Холмогорского см.: *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский... С. 524–573.

перекрестье мировых религий: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. С. 121–127.

Панич Т.В. Сибирские послания Игнатия (Римского-Корсакова) по списку БАН, Архангельское собрание, С. 220. // Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 156–247.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 559 с.

Савва Романов. История о вере и челобитная о стрельцах // Летописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 5. Отд. 2. С. 111–148.

References

Bogdanov, A.P. (1994). Tvorcheskoe naslediyе Ignatiya Rimskogo-Korsakova [Creative heritage of Ignatius Rimsky-Korsakov]. In *Hermeneutics of the Old Russian literature*. Moscow, Col. 6, part 1, pp. 165–248.

Kukushkina, M.V. (1977). *Monastyrskiyе biblioteki Russkogo Severa* [Monastic Libraries of the Russian North]. Leningrad, 221 p.

Nikulin, I.A. (2009). Ignatiy (Rimskiy-Korsakov) [Ignatius (Rimsky-Korsakov)]. In *Pravoslav-naya entsiklopediya*. Moscow, vol. 21, pp. 125–127.

Nikulin, I.A. (2015). *Preosvyashchennyi Ignatii (Rimskii-Korsakov), mitropolit Sibirskii i Tobolskii* [Eminent Ignatius (Rimskiy-Korsakov), Metropolitan of Siberia and Tobolsk]. Yekaterin-burg, 312 p.

Panich, T.V. (2004). *Kniga “Shchit very” v istoriko-literaturnom kontekste kontsa XVII veka*. [The Book *the Shield of Faith* in Historico-Literary Context of the End of the 17th Century]. Novosibirsk, 327 p.

Panich, T.V. (2011). Poslaniye Ignatiya Rimskogo-Korsakova Afanasiyu Kholmogorskomu o smerti patriarkha Ioakima (avtor kak rasskazchik i uchastnik opisyvaemyh sobytii) [Epistle of Ignatius Rimskiy-Korsakov to Afonasiy Kholmogorskiy about the Death of Patriarch Joachim (The Author as a Storyteller and Participant of Described Events)]. In *Sibir na perekrestye mirovykh religii: Materialy mezhrеgionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Novosibirsk, pp. 121–127.

Panich, T.V. (2013). Zhitie patriarkha Ioakima po spisku RGB, sobranie I.D. Belyaeva, No. 29/1535 [Life of Patriarch Joachim according to the Register of RSL, collection of I.D. Belyaev, no. 29/1535]. In *Rukopisi XVI–XXI vv.: issledovaniya i publikatsii*. Novosibirsk, pp. 140–190.

Panich, T.V. (2019). Intellektualnye lidery soobshchestva tserkovnyh pisateley vtoroy poloviny XVII v.: mezhllichnostnye kommunikatsii [Intellectual Leaders of the Community of Church Writers of the Second Half of 17th Century: Interpersonal Communications]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 26, No. 3, pp. 66–71.

Panich, T.V. (2019). Sibirskiyе poslaniya Ignatiya (Rimskogo-Korsakova) po spisku BAN, Arkhangelskoe sobranie, S. 220 [Siberian Epistles of Ignatius (Rimsky-Korsakov) According to the LAS Register, Arkhangelsk Collection, p. 220]. In *Istochniki po istorii Rossii: problemy obshh-estvennoi mysli i kultury*. Novosibirsk, pp. 156–247.

Репина, Л.П. (2011). *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsialnye teorii i istoriograficheskaya praktika* [History at the Border of the 20th–21th cc: Social theories and historiographical practices]. Moscow, 559 p.

Savva Romanov (1863). Istoriya o vere i chelobitnaya o streltsah [The Story of Faith and a Petition about the Streltsy]. In *Letopisi russkoy literatury i drevnosti, izd. N. Tikhonravovym* [The Annals of Russian Literature and Antiquities, ed. N. Tikhonravov]. Moscow, vol. 5, dep. 2, pp. 111–148.

Veryuzhskiy, V.M. (1908). *Afanasiy, arkhiepiskop Kholmogorskiy: Ego zhizn i trudy v svyazi s istoriei Kholmogorskoy eparkhii za pervye 20 let ee sushchestvovaniya i voobshche russkoy tserkvi v kontse XVII veka* [Afanasiy, the Archbishop of Kholmogory: His Life and Works in Connection

with the History of Kholmogory Diocese during 20 First Years of Its Existence and the Russian Church in General in the End of the 17th Century.] St. Petersburg, 683 p.

Voronova, L.B. (1984). Arkheograficheskiy obzor spiskov sochineniy Ignatiya Rimskogo-Korsakova [Archaeographical Review of Register of Essays by Ignatius Rimskiy-Korsakov]. In *Issledovaniya po istorii obshchestvennogo soznaniya ehpoi feodalizma v Rossii*. Novosibirsk, pp. 193–198.

Статья поступила в редакцию 03.02.2020 г.